Елена Лаврентьева

ПАРИЖ

Впечатления русских путешественников в фотографиях и воспоминаниях конца XIX – начала XX века

ЭТЕРНА
Москва, 2012

УДК 94(47)''18/19''(084/1)
ББК 63.3(2)5я6
Л13

ПРОЕКТ «СЕМЕЙНЫЕ АРХИВЫ»

Выражаем искреннюю благодарность за финансовую поддержку в издании книги
Людмиле Петровне Бельяниновой

Благодарим за предоставленные фотографии:
В.О. Штульмана, А.А. Васильева, М.С. Сперанскую, М. Золотарева

В альбоме использованы:
карикатуры из “Les Maîtres Humoristes”, “L’Illustration”, “Le Rire”;
силуэты Е.С. Кругликовой из книги «Париж накануне войны
в монотипиях Е.С. Кругликовой»;
открытки известного французского карикатуриста А. Гильома и др.

Дизайн проекта «Семейные архивы» – Александр Архутик
Компьютерная верстка – Алексей Колганов
Сканирование, обработка фотографий и цветокоррекция – Александр Комаров

Лаврентьева Е.В.
Л13 **Париж:** Впечатления русских путешественников в фотографиях и воспоминаниях конца XIX – начала XX века. – М.: Этерна, 2012. – 328 с.: ил.

ISBN 978-5-480-00271-3

Альбом составлен по принципу многочисленных путеводителей по Парижу конца XIX – начала XX века и рассказывает о любимых туристических маршрутах наших соотечественников. Читатели получат возможность побывать на Парижской Всемирной выставке 1900 года, подняться на «балкон химер» собора Парижской Богоматери и с высоты минувшего столетия взглянуть на происходящее вокруг.

УДК 94(47)''18/19''(084/1)
ББК 63.3(2)5я6

© Е.В. Лаврентьева, 2012
© Е.В. Лаврентьева, фотографии, открытки, графика из личной коллекции, 2012
© ООО «Издательство «Этерна», оформление, 2012

ISBN 978-5-480-00271-3

Иллюстративно-художественное издание

Редактор Н.В. Комарова
Корректоры О.В. Круподер, В.А. Нэй

Подписано с готовых диапозитивов 26. 08. 2011
Формат 60x90/8. Гарнитура Palladium
Печ.л. 41 Тираж 2 000 экз.

ООО «Издательство «Этерна»
115477, г. Москва, Кантемировская ул., д. 59а
Тел./факс 755-81-23

E-mail: info@eterna-izdat.ru
www.eterna-izdat.ru

ПАРИЖСКИЕ СНЫ

***

Приближаюсь уже к сорока.
Бабьим летом прикинулась осень.
Листопад за окном, а пока
Исполняется мне тридцать восемь.

Я гадаю, что будет потом:
Превращусь незаметно в старушку.
И, быть может, зимой за окном
Для синичек повешу кормушку.

А пока в ожиданьи весны
Я любуюсь на юные очи.
И рисую парижские сны
Акварельными красками ночи.

***

Я знаю все, я знаю наперед,
Сама себе я жрица и гадалка:
В Париже скоро встречу Новый год,
И старый год едва мне будет жалко.

Я за столом сижу напротив пирога,
Ты в ухо шепчешь мне: «Прекрасная Елена».
Я знаю все: сейчас твоя нога
Едва коснется моего колена.

Я знаю все: короче станут дни.
Сулит мне счастье дальняя дорога.
А из музея бывшего Клюни
Сбежала Дама от Единорога.

***

Возраст мой воспел Бальзак.
Не боюсь попасть впросак.
Да и раньше бы на плаху
Я взошла без слез и страху.
Не гнушась житейской прозы,
Я себе дарила розы,
А когда судьба кусала,
Я стихи навзрыд писала.
И мечтала о Париже...
Чем он далее – тем ближе.

«Без тебя мне остается уйти в мир книг и одиноких грез. Неизбежный конец этого пути - безумие». Этими словами я признаюсь Парижу в своей любви. Правда, принадлежат они не мне, а замечательному поэту и мыслителю С.М. Соловьеву и адресованы не городу, а красавице Соне Гиацинтовой, будущей талантливой актрисе.

Когда вышла ее книга «С памятью наедине», я уже окончила университет и бросила свое любимое занятие – выписывать понравившиеся цитаты из книг. Но это письмо я почему-то «увековечила» в последней, не дописанной до конца, тетради. После чего я аккуратно связала тетради бечевкой и заточила их в верхнем ящике книжного шкафа.

Прошло ровно пятнадцать лет. Впервые оказываюсь в Париже. Две недели абсолютного счастья, которым не хочется делиться даже с сыном. Но конец неизбежен: пора возвращаться домой. В самолете закрываю глаза и остаюсь «с памятью наедине». Близкие воспоминания о Париже чередуются с далекими, из радостного детства и беспокойной юности. И вдруг… всплывают в памяти строки из письма Соловьева. Случайность или пророчество? Отныне мир книг и одиноких грез о Париже становится моей стихией. Слава Богу, не безумием.

После окончания университета мои родители торжественно вручили мне сберкнижку с двумя тысячами на счету. Кто теперь посмеет назвать меня бесприданницей?! Но самую основную часть моего приданого, как мне казалось, составляли не «материальные ценности», а восемь тетрадок с цитатами и афоризмами. Первую я начала вести в пятом классе. Это был подарок от мамы. Обычная толстая тетрадь в клеточку, где на первой странице красным карандашом мама написала: «В мире интересного». Отныне я должна была вести хронику интересного: прочитанного, увиденного и услышанного. Первая запись, выведенная каллиграфическим почерком пятиклассницы, гласила: «Француз Пьер Дефурнель женился в третий раз в 120 лет. Он имел трех сыновей, рожденных в XVII, XVIII, XIX веках».

Боже мой! Как мне нравилось повторять это имя – Пьер Дефурнель! Мой будущий избранник грезился мне исключительно в виде красавца Пьера Дефурнеля. Но жизнь распорядилась иначе. Спутника моего зовут не Пьер и даже не Дефурнель. Но зато он знает французский (предмет моей зависти) и не боится мышей, в отличие от меня. А я, преодолевая свой страх, сочиняю про мышей детские сказки. Самая любимая (простите за нескромность) – «Мышата в Париже», где папа-мышь, проведя с детворой день в Париже, многозначительно произносит:

До свидания, столица!
Будешь ты ночами сниться.
Не горюйте, малыши:
Кто-то должен жить в глуши.

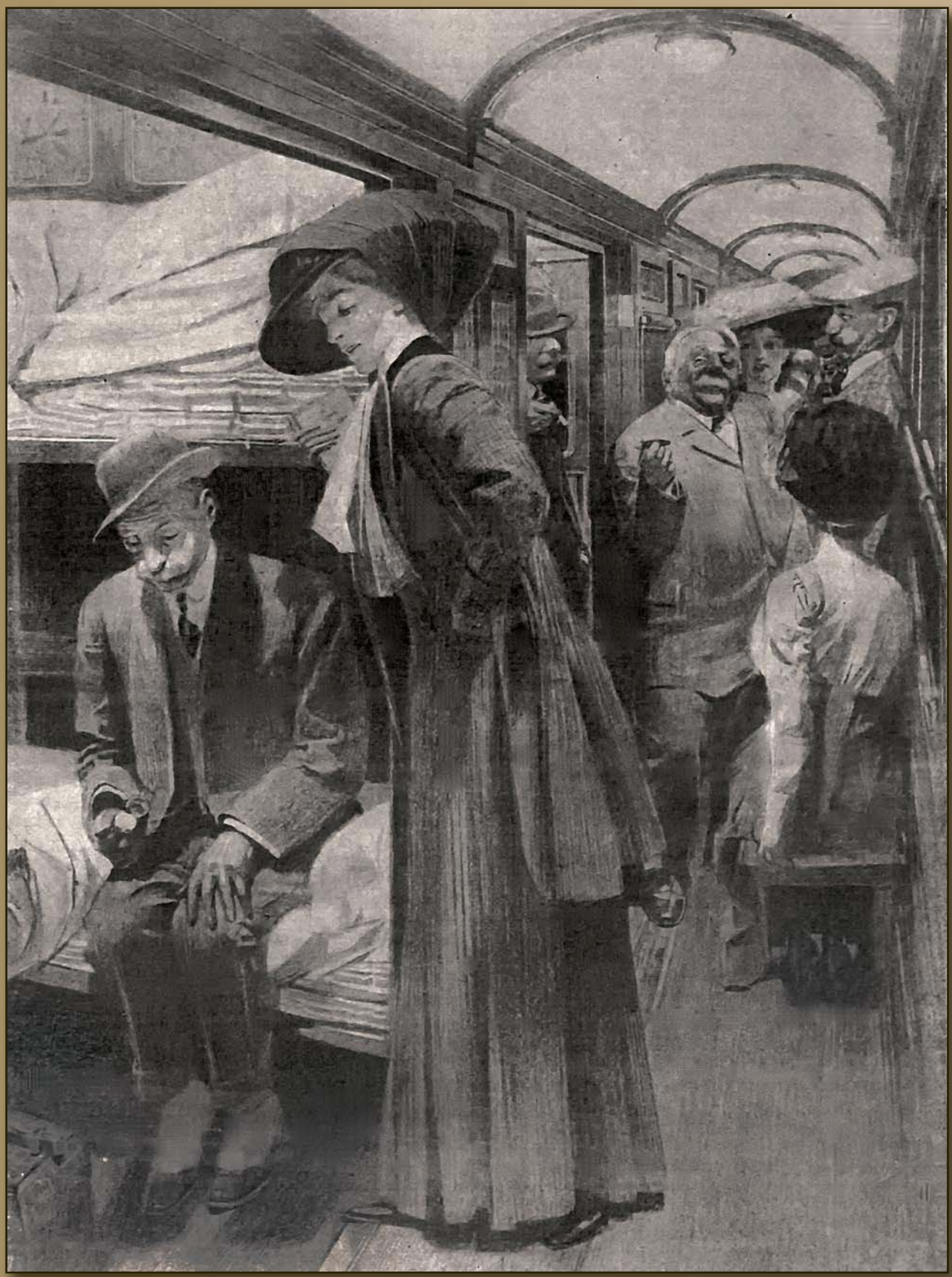
С радостью и большим удовольствием хочу поделиться с читателями интересными сведениями о Париже конца XIX – начала XX века, словами наших соотечественников рассказать о туристическом быте, парижских достопримечательностях и курьезах того времени. Как выглядели русские туристы, можно судить по фотографиям, представленным в альбоме. Отсутствие «парижских подписей» на некоторых из них не нарушает целостности восприятия и не идет вразрез с исторической правдой. Знаменитости и простые очевидцы эпохи покажут читателям свои любимые маршруты. И счастье тому, кто вместе с Ф.И. Шаляпиным воскликнет: «О, Париж! – так это ты!»

Елена Лаврентьева

Путь и прибытие в Париж

PARIS

Путь и прибытие в Париж



Она. Вы спеціально занимаетесь біографіями. Напишите біографію моихъ ножекъ.
Онъ. Съ удовольствіемъ! Но боюсь, что придется слишкомъ дорого заплатить за изученіе ихъ происхожденія.

Путь и прибытие в Париж

Дорогая Софья Дмитриевна!
Не знаю получили ли Вы мою открытку из Остенде. Если нет, то еще раз поздравляю Вас с днем Ангела и желаю всего, всего наилучшего. Вчера возвратились из Бельгии. Были в Льеже, Брюсселе и Остенде. Выставка маленькая вполне оправдала свои ожидания. Оказалась совсем не интересной, особенности русский отдых! – одна грусть!

Из коллекции В.О. Штульмана

Тогдашний величественный Норд-экспресс… ходил только два раза в неделю и доставлял пассажиров из Петербурга в Париж; я сказал бы, прямо в Париж, если бы не нужно было о! не пересаживаться, а быть переводимым в совершенно такой же коричневый состав на русско-немецкой границе (Вержболово – Эйдкунен), где бокастую русскую колею заменял узкий европейский путь, а березовые дрова – уголь…

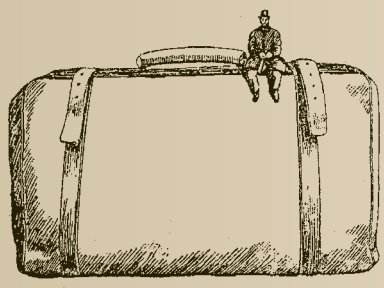
Отец, в дорожной кепке и замшевых перчатках, сидит с книгой в купе, которое он делит с Максом, тогдашним нашим гувернером. Брат Сергей и я отделены от них проходной туалетной каморкой. Следующее купе, смежное с нашим, занимает мать со своей пожилой горничной Наташей и расстроенной таксой. Нечетный Осип, отцовский камердинер (лет через десять педантично расстрелянный большевиками за то, что угнал к себе наши велосипеды, а не передал их народу), делит четвертое купе с посторонним – французским актером Фероди…

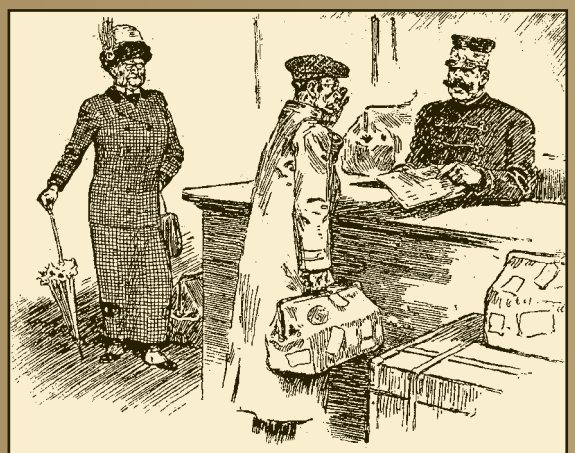
За стеклом был сказочный мир – сказочный потому, что я его подглядывал нечаянно и беззаконно, без малейшей возможности принять в нем участие.

В. Набоков. Другие берега

Балласт и багаж. – Не следует брать с собою в путь постельные принадлежности, так как в гостиницах они всюду выдаются бесплатно, а на железных дорогах – по сравнительно недорогой цене, напр. в русских поездах в 1-м и 2-м кл. – 1 р. за ночь, а в 3-м кл. – 40 коп. (но здесь без подушки, а только мягкий матрас и простыня). Форменные фуражки и форменная одежда русских чиновников и учащихся за границей не возбраняются, но они не удобны, так как слишком обращают на себя внимание и выделяются в однообразной «цивильной» европейской толпе. Поэтому непременно нужно все форменное платье и фуражки оставлять в России. Русские военные совсем не имеют права путешествовать нигде за границей в своих мундирах и обязательно должны одеваться во все штатское. Помимо того мужчинам рекомендуется, кроме дорожного костюма, брать с собой какой-нибудь черный костюм, пиджак, смокинг, сюртук или жакет, так как при посещении больших театров, публичных балов и даже первоклассных ресторанов вообще неудобно, а иногда нельзя появляться в светлом или дорожном платье.

Н.М. Лагов. Париж, его окрестности и Версаль

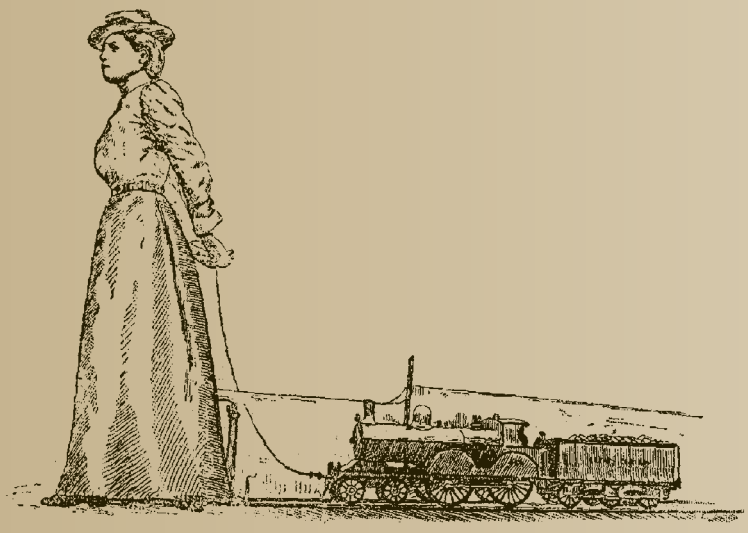




— Въ паспортѣ не упомянуто что у васъ есть жена?..
— Господи! Если бы это было на самомъ дѣлѣ!

На прусской границѣ.—За нѣсколько времени до прибытія русскаго поѣзда на границу по вагонамъ проходятъ жандармы и отбираютъ у пассажировъ заграничные паспорта для выполненія необходимыхъ формальностей. Эти паспорта возвращаются имъ на пограничной станціи, гдѣ дѣлается всегда продолжительная, около часа и больше, остановка. По выполненіи всѣхъ формальностей русскій поѣздъ медленно отправляется черезъ пограничную черту до смежной заграничной станціи. Пассажиры берутъ свои вещи и съ паспортами и желѣзнодорожными билетами въ рукахъ проходятъ въ нѣмецкій таможенный залъ. На паспортахъ прусская жандармерія кладетъ свой штемпель (безплатная Passervision). Пограничный таможенный досмотръ, главнымъ образомъ, касается съѣстныхъ припасовъ, спиртныхъ напитковъ, сластей и табаку, провозимыхъ въ количествѣ, явно превышающемъ личныя потребности пассажира. При досмотрѣ багажа въ таможнѣ присутствіе пассажира обязательно; иначе досмотръ не производится, и багажъ *остается* въ таможнѣ. Вещи, идущія багажемъ изъ Россіи прямо въ Парижъ, не досматриваются совсѣмъ.

Есть запретъ ввозить сигары: контрабанда это.
Но для жульнической пары нѣтъ уже запрета...
Ухитрились въ шляпѣ модной сдѣлать помѣщенья.
Ввозъ сигаръ идетъ свободно и безъ обложенья.



Прибытие и таможня. – Едущие в Париж по железной дороге через Берлин прибывают на Северный (Gare du Nord), а с юга, через Вену, – на Восточный (Gare de l'Est) вокзалы. Оба вокзала находятся поблизости один от другого, в северо-восточной части Парижа. Если имеется много ручного багажа, то можно позвать носильщика (Porteur! S'il vous plait = портёр с'иль ву пле). Они ходят в коротких синих блузах и кожаных фуражках. Носильщику же нужно дать квитанцию на багаж и заказать извозчика. Заметить номер бляхи. Весь багаж ручной и крупный сносится в зал таможенного досмотра. Если же крупного багажа нет или его не берут немедленно по приезде, то таможенный досмотр в общей зале необязателен и приезжего пропускают прямо в город, опросив для формы при проходе: «Rien à declarer?» На что ответить: «Absolument rien» (= абсолюман рьян)!.. Таможенный досмотр крупного багажа начинается минут через 10 по приходе поезда.

Если желательно налегке заняться подысканием квартиры, то можно ручной багаж оставить в Consigne (10 сант. за место в день), а крупный багаж пока совсем не требовать.

Носильщику дается на чай не менее 50 сант.

На всех вокзалах существуют особые конторы («Voyages Duchemin»), которые доставляют багаж на дом, взимая за это по 30 сант. за каждые 10 кило плюс 10 сант. за марку и регистрацию, но самое меньшее 2 фр. 50 сант. за заказ. Эта же контора доставляет багаж из дома на вокзал. Для этого нужно послать заказ за сутки до отъезда по адресу: Bureau Central «Voyages Duchemin», 20, rue Grammont, Paris.

Н.М. Лагов. Париж, его окрестности и Версаль

Наконец поезд замедлил ход, и мы въехали под огромную стеклянную крышу Северного вокзала, вид которого напоминал тюрьму или казарму.

Глаза разбегались от огромных толп, метавшихся по многочисленным платформам. Шум, гам, лязг. Говор, возгласы встречающих. Носильщики, путаница с багажом. А тем временем отходят другие поезда, и без привычных нам звонков. Отходят и прибывают «просто вовремя»!

Нас никто не встречает. Все лица, все люди чужие. Носильщики грузят на тачки ручной багаж…

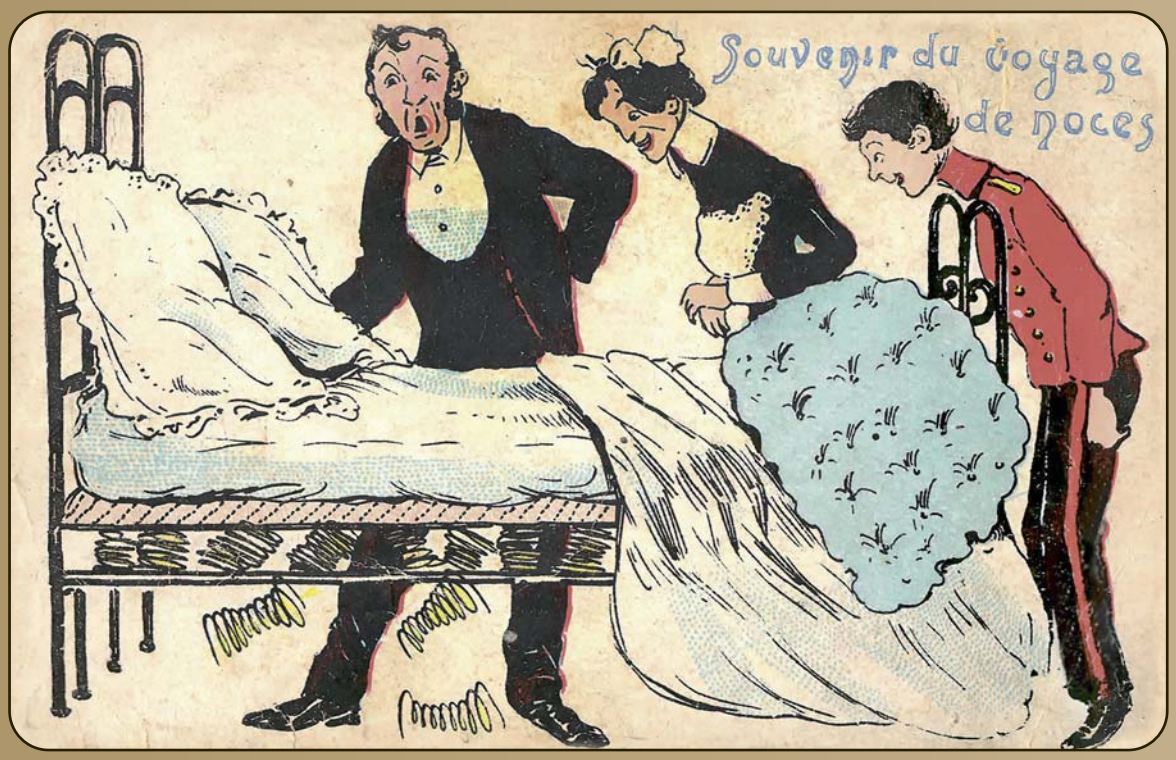
Н. Игнатьева-Труханова. На сцене и за кулисами

PARIS. — La Gare Saint-Lazare

PARIS. — La Gare des Invalides
ND Phot

114. - PARIS. - La Gare de Lyon

30. PARIS — La nouvelle Gare d'Orléans
VICHY-ETAT
MAGGI
PYGMALION
45
55-A



Когда русские путешественники говорят о предметах парижской жизни и о прелестях парижской прислуги, то следует понимать, что это говорится об отельной жизни. Жизнь в отеле, конечно, в первоклассном отеле, действительно удобна и комфортабельна, и не может идти в сравнение с отельной жизнью не только наших крупных провинциальных городов, но даже и столичных. Комнаты образцово обставлены, украшены зеркалами, бронзой, устланы коврами. Если есть на камине часы, то они непременно ходят и притом показывают не фантастические часы, а настоящие, существующие в природе. Если есть замки и ключи, то они действуют, и притом легко и свободно, и благосклонного участия слесаря никогда не требуется. Если есть вентиляция, то она действительно исполняет свое назначение, а не занимается раздиранием ваших ушей невозможным писком и визгом. Белье на постелях безукоризненной белизны и чистоты, а самые кровати похожи на настоящие кровати, а не на прокрустовы ложа или на лагерные койки.

Усталый после долгого и утомительного пути по железной дороге, вы входите в свою комнату в полной уверенности, что вам удастся отдохнуть и успокоиться. Воды в умывальниках в изобилии, кровать сделана, чай, кофе и ужин подан в мгновение ока. Вам ни к чему тридцать раз звонить и требовать то лакея, то горничную, то коридорного. И что замечательнее всего – звонки действуют исправно! Вам не задают нелепых вопросов: нужно ли белье или подушка, и вам не приходится бесконечно долго ожидать, когда вам принесут и белье и подушку и не начнут на ваших глазах устраивать вам ложе. Вам остается только раздеться и лечь спать…

Но самое удивительное то, что, когда вы с вокзала железной дороги входите в комнату отеля, на вас не набрасываются с жадностью проголодавшегося волка и не требуют вашего паспорта, sine qua non…

Меня всегда приводил в изумление этот вопрос о паспортах. Вы прибываете в русский отель в качестве простого туриста. Но пока вы не вынете со дна сундука вашего паспорта, вы в глазах прислуги не только не турист, а очень легко может быть – просто беглый каторжник…

В Европе на вас смотрят в отеле только как на путешественника, потому что для ловли преступников там существует отлично организованная полиция, для которой совершенно не нужны ничего не говорящие бумаги и подложные виды.

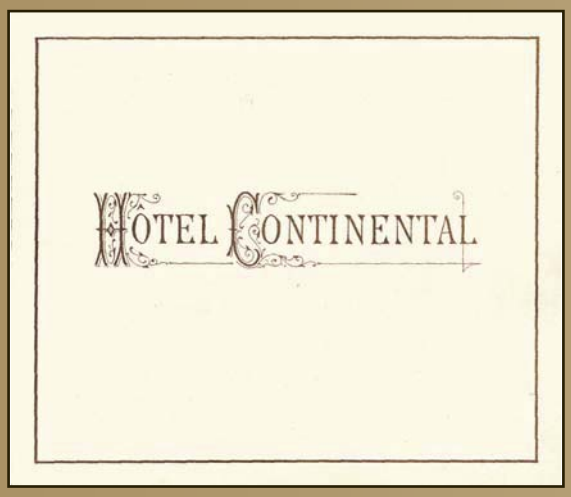
Один мой знакомый рассказал мне, как он разыскивал в Париже одного своего приятеля, замешанного в России в беспорядках и скрывшегося за границу. Спасаясь от преследования, он менял свою фамилию и отели. Знакомый мой отправился в префектуру, чтобы узнать его адрес, и чиновник префектуры без всякого затруднения вынул из шкафа «досье» в синей обложке и стал перечислять ему, где и под какими именами жил его знакомый в Париже…

Ну, к чему для такой полиции нужен паспорт? За ним, как, вероятно, и за каждым путешественником, следят. Многие возмущаются такой системой, но я не вижу в ней ничего неудобного. Никто никогда не замечает, что за ним следят. Следовательно, все это делается так деликатно, так тонко, что вам и на ум не приходит. Да и, вероятно, следят за людьми, почему-то кажущимися подозрительными, или за такими, о которых получены сведения от иностранной полиции…

В. Светлов. Современный Вавилон // Вокруг света, 1900, № 17

Мы подъехали к гостинице, и швейцары начали выгружать наш багаж. «Континенталь» занимал угол улиц Кастилион и Риволи, выходивший на сад Тюильри. Парадный подъезд находился в глубине нарядного внутреннего двора, с цветочной клумбой посредине. Привыкнув в Москве к грязным дворам, даже в богатых особняках, я поразилась виду этого цветника.

Англичане первыми ринулись в бюро гостиницы и очень быстро получили помещения. Мы задержались подольше. Гостиница оказалась очень дорогой, комнаты в ней бронировались по телеграмме или письму заблаговременно. Наконец и мы с трудом получили две комнаты – салон и спальня – с пансионом, то есть питанием, что обходилось сорок франков в день. Подобная сумма в ту пору составляла для нас целое состояние. Мать ни за что не хотела салона, но я заупрямилась и объяснила, что он мне необходим для приемов театральных агентов, которые, как меня предупредили уже работавшие в Париже товарищи, вершили судьбу театральных ангажементов артистов.



Н. Игнатьева-Труханова. На сцене и за кулисами

PARIS

HÔTEL
REGINA
HÔTEL
REGINA
PARIS 5.
Statue de Jeanne d'Arc (Place des Pyramides)

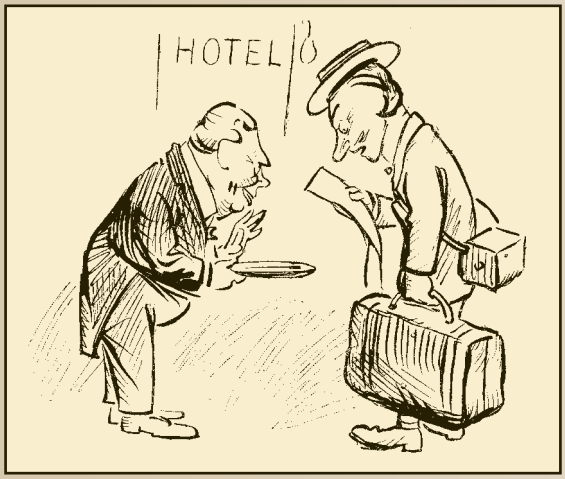
В «столицу мира» мы прибыли рано утром и остановились в старомодном «Hôtel du Louvre» в конце Avenue de l'Opéra. Эта гостиница, неудобная и малокомфортабельная, напоминала моим родителям их свадебную поездку…

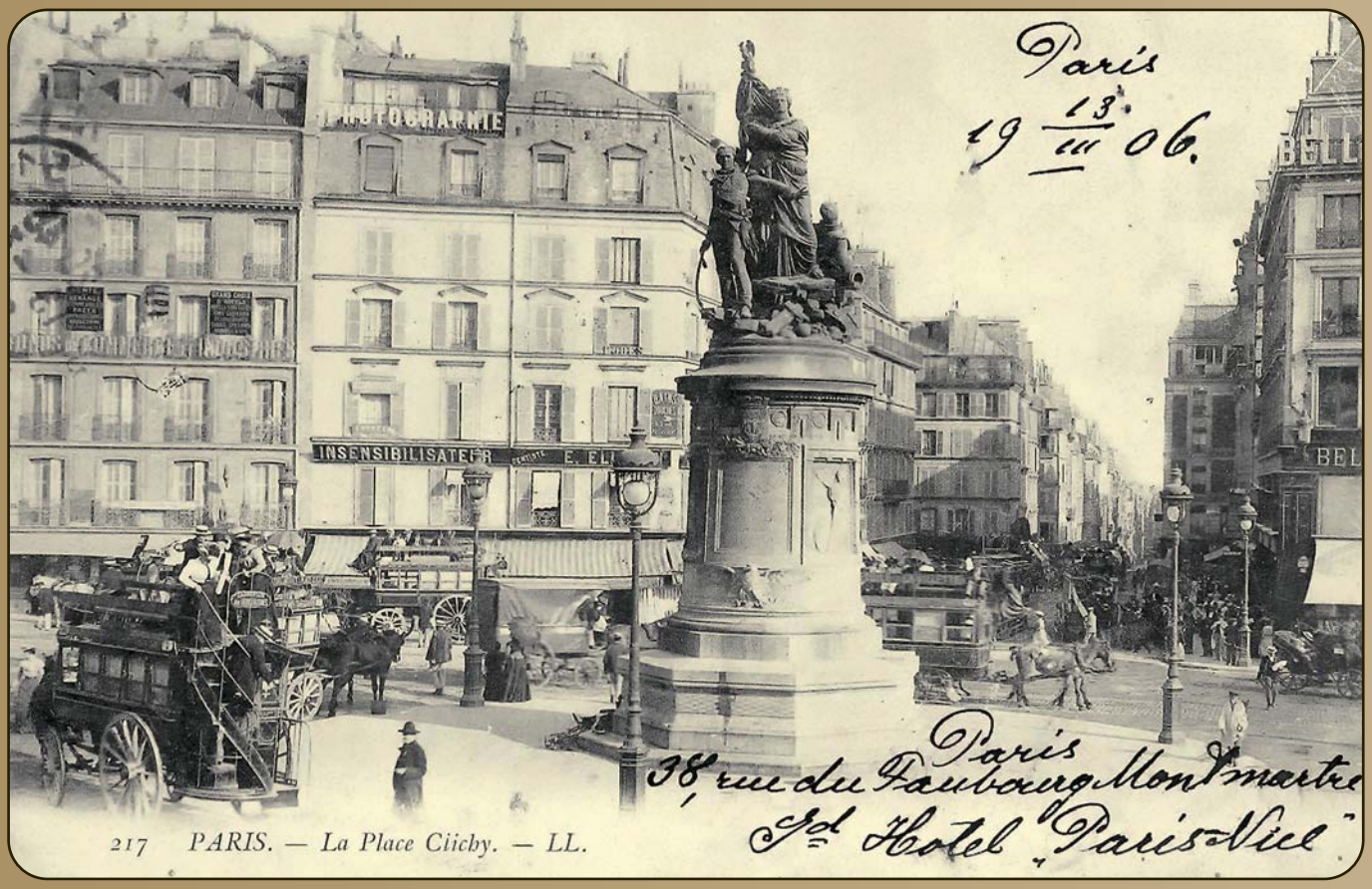
Надо сказать, что закусывать в своем номере считалось почему-то за границей незаконным и было нечто вроде контрабанды, так что после ужина нам приходилось скрывать следы преступления. Мать тщательно упаковывала объедки ужина, и мы с отцом, забрав сакраментальный пакет, снова выходили на улицу и обычно шли на мост через Сену. Там мы некоторое время стояли у перил и, улучив момент, когда поблизости не было прохожих, роняли свой сверток в воду. В другие разы мы забрасывали его за решетку памятников, причем однажды чуть не напоролись на неприятность с часовым, которого мы в темноте не приметили.

Ю.А. Бахрушин. Воспоминания

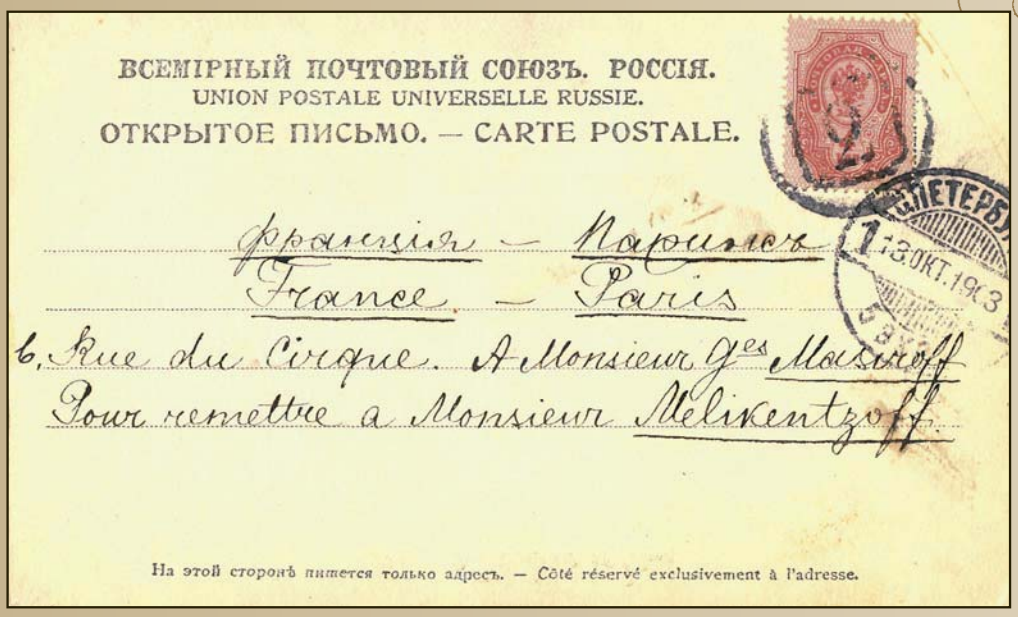
Кромѣ указанныхъ въ отдѣлѣ гостинницъ, есть множество другихъ. Но мы рекомендуемъ въ особенности Элисэ-Палясъ-Отель (см. отдѣлъ гостинницъ), какъ превосходную, новую гостинницу съ комнатами на всякія цѣны, совмѣщающую въ себѣ всевозможныя удобства, притомъ находящуюся на лучшей улицѣ Парижа, гдѣ гораздо чище и воздухъ несравненно лучше, чѣмъ въ центрѣ, и всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Булонской аллеи, центра гулянья и катанья. Къ тому же, со времени открытія новой электрич. жел. дороги (метрополитэна), сообщеніе съ оперой и центральными бульварами стало дѣломъ 5 минутъ, тѣмъ болѣе что и вокзалъ этой дороги «Альма» находится у самыхъ дверей гостинницы. Цѣны — сравнительно съ удобствами, предоставляемыми этой гостинницей — умѣренныя (комнаты, включая электр. освѣщ. прислугу и отопленіе, отъ 7 фр., обѣдъ за табльдотомъ 7 фр.), и нисколько не превышаютъ цѣнъ гостинницъ, находящихся на центр. бульварахъ и на Рюде-ля-Пэ: Грандотеля, Континенталя, Лувра и другихъ, но зато по комфорту, кухнѣ, чистотѣ и другимъ удобствамъ послѣднія и сравниваемы съ Элисэ-Палясомъ быть не могутъ; и это вполнѣ естественно, если принять въ соображеніе, что Элисэ-Палясъ выстроенъ въ 1900 г., тогда какъ тѣ существуютъ десятки лѣтъ.

«Курьер».
Практический путеводитель
для русских по городам
и курортам Западной Европы





Къ сѣв. отъ бульв. Пуассоньеръ: **H. Paris-Nice réunis,* rue du Faubourg-Monmartre, 38 (120 комн. отъ 3 фр., ѣда 1½, 3 и 4 фр. съ виномъ, панс. отъ 10 фр.).


ВСЕМІРНЫЙ ПОЧТОВЫЙ СОЮЗЪ. РОССІЯ.
UNION POSTALE UNIVERSELLE RUSSIE.
ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО. — CARTE POSTALE.

Франція — Парижъ
France — Paris
6, Rue du Cirque. A Monsieur des Maximoff
Pour remettre a Monsieur Melikentzoff.

На этой сторонѣ пишется только адресъ. — Côté réservé exclusivement à l'adresse.

Наконец, вот он – Париж! Необъятное количество народа на вокзале и около него ошеломило меня. Потолкавшись среди бойких французов, чувствуя себя вдруг заряженным каким-то весельем, я собрал свои вещи, взял извозчика и поехал по адресу, данному мне Мельниковым: улица Коперника, 40.

Было часов шесть утра. Огромные серые дома, бульвары, церкви – все, что я видел, вдруг показалось мне приятно знакомым, как будто я уже однажды был здесь, и я тотчас же вспомнил прочитанные в отрочестве романы Монтепена, Габорио, Террайля…

В улице Коперника извозчик остановился пред маленьким домом в два этажа…

Мне открыли дверь, и я с радости, что в Париже – и могу говорить по-русски, – запел. Приятели зажали мне рот, сказав, что все в пансионе спят и орать не полагается.

Умываясь, одеваясь, распивая кофе, я страшно торопился, хотелось бежать куда-нибудь, в груди кипело буйное веселье – приятели не пустили меня, сказав, что поведут гулять после завтрака.

Я осмотрелся. Комната была обставлена как-то особенно уютно, все чисто, красиво. Камин, над ним зеркало в золотой раме, статуэтки на каминной доске.

Должно быть, не дешево стоит эта чистота и простота! Но оказалось, что за комнату с завтраком, кофе, обедом, вином и чаем берут только одиннадцать франков.

– Ну, значит, кормят плохо!

Но и кормили хорошо, как я убедился за завтраком, – все это привело меня в тихий телячий восторг.

Завтракало человек десять: пятеро русских, мои приятели, аббат, почтенный и веселый старичок, учитель пения, журналист, молодой грек, и, наконец, явилась удивительно красивая гречанка по имени Каллиопа. Выпил я стакан вина, другой, захотелось выпить еще, но я не решался, думая, что это неловко будет. Но мои приятели сказали, что вина можно пить сколько угодно, а хозяйка, вслушавшись в их слова, добавила, что это ей, кроме удовольствия, ничего не доставит.

«Любезно», – подумал я.

После завтрака меня повели смотреть Эйфелеву башню, я влез на ее верхнюю площадку и оттуда почти благоговейно, долго смотрел на огромный мировой город.

Ф.И. Шаляпин.
Страницы из моей жизни

Квартиру мы нашли в фешенебельном квартале Елисейских Полей. Красиво отделанная, из 5 комнат, с ванной и газовой кухней, по русским ценам она стоила баснословно дешево – около 1500 фр<анков> в год (555 р<ублей>). Камины были облицованы мрамором, у зеркал – бронзовые рамы, центральный салон был украшен лепной работой, стены покрыты белой лаковой краской.

Одну комнату занял у нас молодой человек Ш., по Москве мой ученик, приехавший теперь в Париж жуировать.

Вопрос был в обстановке. Готовые гарнитуры в любом стиле, отпускавшиеся универсальными магазинами чуть ли не с годовой рассрочкой, претили нам до отвращения. Наша квартира должна была отвечать требовательному вкусу. При наших средствах это можно было сделать только при помощи Hôtel Drout.

Аукционный отель Друо занимает целый квартал, вмещает до сорока обширных зал, и в значительной части их ежедневно идет продажа разнообразнейших вещей, начиная с просаленных вонючих тюфяков сошедших на нет мещан, кончая objets de luxe <предметы роскоши (фр.). – *Ред.*> прожившихся «господ», а подчас редчайшими objets d'art <произведения искусства (фр.). – *Ред.*> из коллекций крупных собирателей или их наследников. Простой осмотр зала перед продажей представляет огромный интерес. Сотни паразитов – скупщики, комиссионеры, маклаки – прицениваются к перманентной выставке сокровищ. Здесь делаются миллионы, прибыльное занятие переходит по наследству…

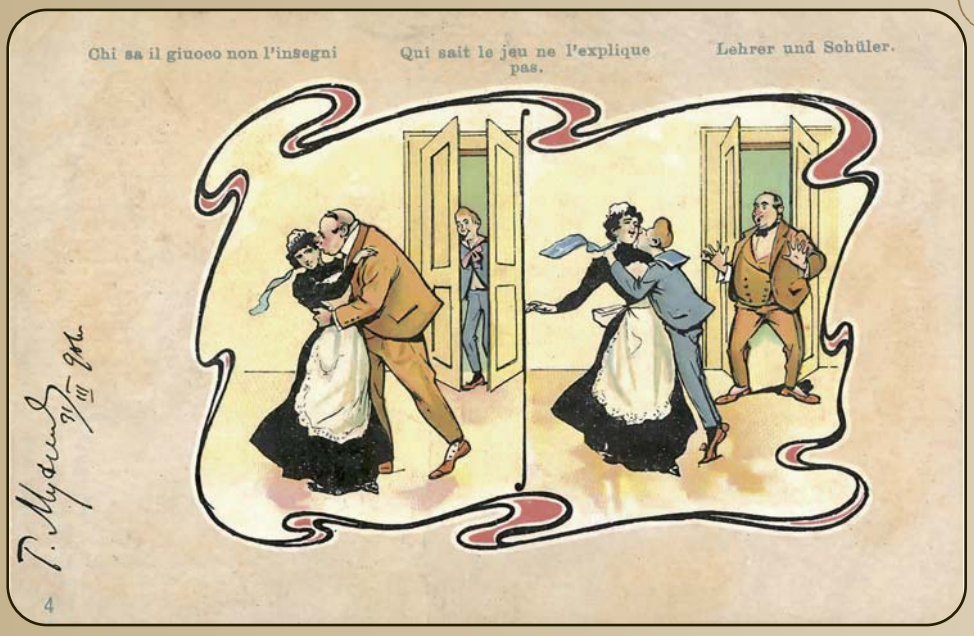
Наш труд не пропал даром. Когда парижские приятели пришли к нам на новоселье, они были поражены великолепием нашего убранства. Тяжелые штофные занавеси с гобеленными вышивками, мебель – красного и розового дерева, вышедшая из рук прекрасных мастеров, бронза (люстра, бра), живописная ваза в человеческий рост величиной, сукно на всех полах приводили их в недоумение.

– Откуда у вас такие богатства? Где вы набрали эти сокровища? Сколько вам это стоило?

Никто не хотел верить, что наша обстановка стоила гроши, что рыночные Генрихи, Людовики, ампиры стоили во много раз дороже при всем их ужасающем безвкусии.

А. Боровой. «Париж был и остается значительнейшим фактом моей биографии…»

Меблированныя квартиры.—Пріѣзжая надолго, на нѣсколько мѣсяцевъ, можно не особенно дорого нанять меблированную квартиру. Въ зависимости отъ квартала, можно имѣть двѣ комнаты отъ 80 до 100 фр. въ мѣсяцъ; и 4 или 5 комнатъ—отъ 150 до 250 фр. Меблированныя квартиры объявляются желтоватыми ярлыками „Appartement meublé“. Квартиры эти бываютъ снабжены всѣми предметами хозяйства до посуды и бѣлья—столоваго и постельнаго—включительно. Вода, газъ и электричество оплачиваются по счетчику квартирантомъ. Плата за квартиру производится помѣсячно впередъ. Письменнаго контракта о наймѣ не дѣлается.



Жить «своим домом» в Париже – это не то, что жить в отеле. Один год я занимал в Париже небольшую меблированную квартиру, состоявшую из трех комнат – спальни, кабинета, салона (он же и столовая) и кухни с людской. Квартира была обставлена очень хорошо, очень уютно: те же зеркала, ковры, прелестная мебель, кровать и прочее. Там было все, что было нужно для долгого пребывания в квартире – и гардеробные шкафы, и комоды, и письменный стол, и разные шкафчики, и вешалочки, и крючочки, и гвоздочки, и письменный прибор, и столовые сервизы, и кухонная посуда, – словом, решительно все. Стоило это сто двадцать франков в месяц; плата вносится вперед по третям года, и в этом отношении в Париже не делается никому исключений. Вся обстановка и инвентарь принимается по самой точной и мелочной описи.

Надо сказать правду, что наши квартиранты, по крайней мере добрая часть их, относятся очень некультурно к снимаемым ими в русских городах помещениям. Бросая квартиру, наш квартирант ничем не стесняется: выкорчевывает из стен гвозди так аккуратно, что разворачивает стены; заливает паркеты чернилами, обдирает обои, засаривает краны; ключи от дверей исчезают бесследно; стекла в окнах разбиваются и так далее. Но он считает себя совершенно правым, во-первых, потому, что уплатил квартирную плату по день выезда, во-вторых, потому, что у него и без того много дела, чтобы еще следить за «какими-то там глупыми ключами», в-третьих, потому, что хозяин и так «грабил его достаточно за время его жительства, чтобы он еще заботился об его интересе и берег ему обои и паркет. Пущай, мол, делает ремонт, не разорится».

И наши домохозяева – уж на что «человеки-звери» – редко когда протестуют. Они покорно делают ремонт…

Не то в Париже. Вся обстановка квартиры, и стены, и обои, и ковры, и окна, и замки, и ключи – все это должно быть сдано по целости и исправности по описи. Никаких послаблений не делается. В случае доведения дела до суда всегда проиграет квартирант, и не может не проиграть, потому что он действительно все принял в полной исправности и расписался в этом, следовательно, должен и сдать в таком же порядке…

В. Светлов. Современный Вавилон // Вокруг света, 1900, № 17

Консьержи парижскіе или привратники (швейцары) представляютъ собой любопытнѣйшую особенность парижской жизни. Фамильярно французы ихъ зовутъ „pipelets“, а наши эмигранты презрительно –„консьержками“. Названіе ихъ объясняется слѣдующимъ образомъ. Когда основатель Капетингской династіи Гуго Капетъ переселился во дворецъ въ Ситэ, то по обѣимъ сторонамъ воротъ этого дворца онъ построилъ двѣ сторожевыя башни, которыя до сихъ поръ возвышаются тамъ какъ свѣчи (cierges). Надзоръ за этими башнями онъ поручилъ одному своему приближенному, который получилъ титулъ „comte des cierges“, отсюда и произошло нынѣшнее названіе консьержъ.

Въ современной жизни консьержъ въ Парижѣ совсѣмъ не то, что въ Россіи швейцаръ. Онъ хотя и мететъ лѣстницы и разноситъ почту, но онъ же получаетъ съ квартирантовъ деньги за квартиру и служитъ въ отношеніи ихъ замѣстителемъ домовладѣльца. Эта двойственная роль прислуги и управляющаго дѣлаетъ изъ консьержа двуличнаго человѣка, который будто бы и угождаетъ вамъ, въ ожиданіи подачекъ, но въ то же время можетъ и напортить или причинить непріятностей. Къ Новому году консьержъ обязательно получаетъ отъ квартирантовъ денежный подарокъ (etrennes—этрэнь).

— Домовладѣлецъ отвѣтственъ за поведеніе своего консьержа.

— Консьержъ обязанъ приносить получаемыя отъ почтальоновъ письма самое меньшее утромъ и вечеромъ ежедневно.

— Консьержъ обязанъ отпирать парадныя двери во всякое время ночи (Cordon, s'il vous plaît! — обычная форма просьбы при выходѣ изъ дома).

Жизнь за городомъ.—Ближайшія окрестности Парижа (см. „Окрестности") представляютъ для пріѣзжающаго въ Парижъ на жительство семейнаго человѣка значительныя преимущества. За 800—1.000 фр. въ годъ здѣсь можно имѣть благоустроенный отдѣльный небольшой домикъ въ 5—6 комнатъ съ садомъ. Жизнь несравненно спокойнѣе и здоровѣе, но дорого почти какъ въ Парижѣ. Сообщеніе разнообразное и быстрое, но къ полночи прекращающееся почти совсѣмъ.

Къ сожалѣнію въ такихъ дачныхъ мѣстностяхъ какъ Бельвю, Сэнъ-Клю и другія, мѣстное населеніе смотритъ на пріѣзжихъ иностранцевъ какъ на предметъ эксплуатаціи и старается сбывать имъ все какъ можно дороже, порою доходя въ этомъ отношеніи до явной недобросовѣстности.

На обороте:

Дорогая Варенька, посылаю вам открытку с адресом нашим... По приезде сюда меня осыпали подарками. Маня приготовила 2 костюма мне и Шуре, но мой оказался велик, а Шурин в самый раз, так я в нем теперь и щеголяю, а мой по отъезде перешьют. Шляпу, блузку, кушак тоже получила. Право, я чувствую здесь себя помолодевшею. Целую вас. Ваша мама.

P. S. Милую Ленусю благодарю за рыбку, которая у меня стоит на моем столике. Пусть Леночка и Шурочка мне напишут, что они себе желают из Парижа. Целую обеих. Тетя Маня.

Содержание

Предисловие
6
Путь и прибытие в Париж
8
Средства передвижения
30
Париж, парижане и парижанки
50
Парижская Всемирная выставка 1900 года
84
Русские в Париже
102
Достопримечательности
128
Сады и парки
158
Кафе и рестораны
178
Праздники
202
Зрелища и театры
214
Спорт и увлечения
236
Различные сведения
258
Мода
278
Парижские сны
320

А. Гильом. Дамское купе